

УДК 882.09

М.С. СМОЛЯКОВА

“СВОЙСТВА ЕГО ТАЛАНТА ВЕЛИ ЕГО НЕПРОТОРЕННЫМИ ПУТЯМИ” (С.Н. Булгаков об А.П. Чехове)

В статье рассматриваются суждения религиозного философа, богослова и литературного критика С.Н. Булгакова о творческой индивидуальности А.П. Чехова. Подчеркивается обусловленность оценок его творчества не только эстетически, но и идеологическими позициями Булгакова в дискуссиях, которые развернулись после смерти писателя. Отмечается, что в его произведениях критик стремился найти аргументы в пользу своей религиозной философии. Доказывается, что, характеризуя Чехова как писателя-философа и гуманиста, Булгаков поднимал уровень осмысления его творчества и указывал перспективы его оценки в контексте не только русской, но и мировой литературы.

Введение

А.П. Чехов – один из тех писателей, чье творчество каждое поколение читателей открывает для себя заново. Сегодня особую актуальность приобрели вопросы, никогда, по сути, не исчезающие из подлинных произведений искусства: “Бог и человек”, “вера и свобода воли”, “смысл жизни”, “истина жизни”. Исследователям в этой связи приходится, не оглядываясь на сложившиеся за десятилетия стереотипы, искать соответствующие подходы и оценочные критерии, которые позволяют раскрыть не только конкретно-исторический, но и вневременной смысл произведений Чехова. Поэтому особый интерес вызывает литературно-критическое наследие религиозных философов начала XX в., которые ориентировали искусство на высшие ценности, а перед литературной наукой раскрывали духовные горизонты.

Основная часть

Первый опыт философского осмысления идей и образов Чехова принадлежит выдающемуся деятелю эпохи религиозно-культурного ренессанса С.Н. Булгакову. В 1904 г. он прочел лекцию “Чехов как мыслитель”, включившись тем самым в дискуссии об особенностях творческой индивидуальности писателя. Выступление получило большой общественный резонанс, поэтому в 1910 г. по настоянию научного студенческого Общества им. А.П. Чехова текст лекции был опубликован отдельной брошюрой.

Авторы множества публикаций, посвященных Чехову, сходились на том, что его творчество явилось завершением “золотого века русской классики” – расцвета реализма во второй половине XIX в. В то же время в “художественном мышлении” писателя они усматривали отражение перемен, начавшихся в литературе на рубеже XIX – XX вв. Следует, однако, учитывать, что принципы и задачи реалистического искусства критики различных направлений трактовали, исходя не только из своих эстетических, но и идеологических позиций. Со времен В.Г. Белинского революционно ориентированная критика требовала от художественных произведений общественно-значимой тенденции. Современники Чехова, народники Н.К. Михайловский и А.М. Скабичевский, не находили в творчестве писателя характерного для критического реализма “объединяющего идейного начала” и потому упрекали его в “беспринципности”. Марксисты, сконструировавшие “задачи социал-демократического художественного творчества”, счи-

тали Чехова писателем "аполитичным и пессимистическим", а в содержании его рассказов и повестей усматривали доказательство вырождения реализма. В.В. Воровский, А.М. Горький, А.В. Луначарский были убеждены, что реанимировать это литературное направление поможет лишь новый предмет изображения: "героическая борьба рабочего класса за преобразование действительности" [1, с. 165].

Критики-символисты и интуитивисты также пророчили "смерть" реализму, в рамках которого, как они считали, невозможно показать современного человека с его "разорванным" сознанием и неуправляемыми эмоциями. А. Белый, Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Д.В. Философов утверждали, что Чехов, отказавшись от социальной тенденции, прокладывал путь к новой литературе.

В своей лекции-статье С.Н. Булгаков решительно отвергал все попытки современной ему критики измерить талант Чехова "аршином существующих направлений" [2, с. 6]. Ошибки как "социально ориентированной", так и "декадентской эстетики" Булгаков объяснял непониманием сущности и назначения реализма. Философское осмысление эта проблема получила в его фундаментальном труде "Свет Невечерний" (1917). Но уже в первой литературно-критической работе "Иван Карамазов (в романе Достоевского "Братья Карамазовы") как философский тип" (1902) Булгаков высказал мысль, что "реалистическое искусство во все времена ищет ответов на общечеловеческие вопросы, однажды предвечно поставленные и вновь ставящиеся человеческому духу" [3, с. 83]. В выступлении о Чехове критик уточнил, что русская художественная литература – "философская *par excellence*" [2, с. 7]. Следовательно, писатель, наследующий ее лучшие традиции, должен, так или иначе, обращаться в своем творчестве к проблемам нравственно-этическим и религиозным.

Неожиданностью для современников стало сопоставление Чехова с Достоевским. И по сей день эта тема остается спорной: исследователи выделяют, как правило, те идеи и художественные приемы Достоевского, с которыми прямо или косвенно полемизировал Чехов [4]. У Булгакова был иной подход. Он искал (и находил!) в мировоззрении и творчестве писателей точки соприкосновения, которые обуславливали содержанием их этических идеалов. Но, как известно, идеалом Достоевского был Христос, а смыслом жизни романист считал христианское подвижничество. Чехов к верующим себя не причислял, о чем свидетельствуют его признания в письмах к И.Е. Репину (1893), В.С. Миролубову (1902), А.П. Дягилеву (1902). И, тем не менее, повести "Скучная история", "Моя жизнь", "Дуэль", пьесы "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишневый сад" давали Булгакову основание утверждать, что герои этих произведений, как и их создатель, "тоскуют по высшему смысле жизни" и, следовательно, ищут "правду Бога".

Справедливости ради следует отметить, что Булгаков ни разу не назвал идеал Чехова именем Христа. Критик цитирует слова героя рассказа "На пути", в которых читает мысли самого писателя: "Насколько я могу судить по себе, если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верит во что-нибудь другое" [5, с. 468]. Из продолжения монолога Лихарева можно узнать, что он верил в науку, в русский народ, был нигилистом, толстовцем, но все придуманные им идеалы рано или поздно терпели крах. Булгаков счел, что Лихарев почти дословно повторил слова Достоевского. Какие именно, автор лекции-статьи не уточнил, но смысл его рассуждений позволяет высказать предположение, что он имел в виду запись Достоевского, ставшую известной публике в 1906 г., когда было издано собрание сочинений к 25-летию смерти писателя: "Жертвовать собою и всем для правды – вот национальная черта поколения. Благослови его Бог и

пошли ему понимание правды. Ибо весь вопрос в том и состоит, что считать за правду" [6, с. 303]. "Правду" Чехова и его героев Булгаков назвал "религиозной верой в сверхчеловеческое Добро" [2, с. 34]. Приходится констатировать, что критик "приписал" ему христианский идеал Достоевского. Отрицая в литературе тенденцию социально-политическую, Булгаков отстаивал тенденцию философскую, а ко времени публикации лекции-статьи о Чехове в 1910 г. – философско-религиозную, что определило его суждения об особенностях таланта писателя.

Как отмечалось выше, Булгаков считал главным признаком реалистического искусства философичность, т.е. постановку проблем вечных, актуальных во все времена и для всех народов. Но герои Чехова не задавались глобальными вопросами теодицеи и мировой гармонии. Булгаков учитывал это и потому признавал, что автор "Скучной истории" и "Дуэли" не был писателем-философом масштаба Достоевского. Но Чехову, как и Достоевскому, "близка была краеугольная идея христианской морали" (равноценность и самоценность каждой личности перед Богом. – М.С.), что обусловило важнейшую сторону его таланта – гуманизм. В произведениях Чехова "всякая живая душа удостоивается милости человеческого внимания", – подчеркивал Булгаков [2, с. 27]. Он считал, что писатель, сочувствующий всем людям, несущим тяжелый жизненный крест, не делил своих персонажей на добрых и злых, положительных и отрицательных. "Это исключительное внимание, оказываемое Чеховым нищим духом, духовным калекам, неудачникам и слепорожденным делает его демократичным в этическом смысле слова", – отмечал Булгаков [2, с. 27].

Следует подчеркнуть, что революционно-ориентированная критика ассоциировала демократизм литературы с изображением людей "низкого звания" (Белинский). Интересно, что Достоевский, раздвигая уже в ранних своих произведениях рамки "натуральной школы", доказал ограниченность социальной трактовки образа "маленького человека". В его романах множество персонажей, которые стоят на низшей ступени общественной лестницы. Но "маленькими людьми", по убеждению романиста, их делала не бедность, а отсутствие "нравственного чувства". Очевидно, в чеховском решении традиционной для русской литературы темы Булгаков усмотрел влияние Достоевского, что позволило критику назвать демократизм писателя "этическим".

Из собственного понимания "этического демократизма" он вывел особый характер трагического в творчестве Чехова. Философское обоснование эта эстетическая категория получила в статье "Русская трагедия" (1914). Рассуждая о творческой индивидуальности Чехова, Булгаков исходил из того, что трагическое в жизни человека проистекает из его свободы и борьбы не только с внешними обстоятельствами, но, прежде всего, с самим собой. Свобода дает возможность каждой личности сделать свой выбор между добром и злом, причем компромисса, полувывора, быть не может. Соответственно, катарсис Булгаков трактовал как нравственное очищение, возможность которого он связывал с религиозным возрождением человека. Такой подход к творчеству Чехова может показаться неправомерным: ведь сам Булгаков аттестовал писателя "певцом хмурых людей, тусклой и печальной стороны жизни". Интересно в данном случае сравнить эту оценку с точкой зрения В.В. Розанова, который также отмечал гуманизм и демократизм Чехова, но добавлял, что "его отношение к жизни прощающее, с усмешкой, любящее, но не уважающее". Критик считал, что Чехов-новеллист "довел до виртуозности, до гения обыкновенное изображение общественной жизни. "Без героя", – так можно озаглавить все его сочинения и про себя добавить не без грусти: "Без героизма" [5, с. 301]. В отличие от Розанова Булгаков находил в банальных и скучных чеховских историях жизни "обыкновенных"

людей драмы, "равные трагедиям титанических историй героев античности, Шекспира и Байрона" [2, с. 37]. Но трагическую вину чеховских персонажей Булгаков видел в том, что, уступая в борьбе с пошлой действительностью, они утрачивали смысл жизни и веру в Добро, останавливались в поисках истины на полпути, спивались и гибли. "Это страшно, потому что банально", – заключал Булгаков. И все же он не соглашался с теми, кто считал Чехова певцом "скуки жизни", чье творчество помогает лишь "как-нибудь просуществовать, пересуществовать ее, перетащиться по ней" (Розанов). Булгаков доказывал, что Чехов не только констатировал власть обыденности над людьми, но и выносил беспощадный приговор человеческой природе. Однако критик был убежден в том, что трагическое в нашей жизни не безысходно. Поэтому он усматривал катарсис, т.е. просветляющий конфликт в борьбе героев с собой, в остающейся надежде на их нравственное возрождение. Вера, что Добро и неугасимая искра Божия, заложенные в человеке, способны победить его самого, придавала оптимистическое звучание "безысходным" произведениям Чехова, – заключал Булгаков. Следует отметить, что до него такую оценку творчеству писателя в русской критике не давал никто. Булгаков назвал основные признаки художественного дарования Чехова: философичность, гуманизм, демократизм, особый характер трагического. Они позволили автору лекции-статьи назвать Чехова писателем-реалистом, который "ярко отразил это русское искание веры, тоску по высшем смысле, мятущееся беспокойство русской души и ее больной совести и особенности русской жизни конца 80-х гг." [2, с. 13]. Однако последние произведения Чехова датируются 1903 г. и, значит, в них должны были отражаться духовные искания людей, вступающих в XX ст. Впрочем, Булгаков добавил: при всей конкретности герои Чехова "теряют местное и национальное значение". Поэтому критик объединяет их в один "философский тип" и "отвлеченную проблему" – тоску по высшей цели. Булгакова можно упрекнуть в том, что он свел художественные образы Чехова к философской идее, но это обуславливалось его философско-религиозной концепцией и теми задачами, которые он ставил перед реалистическим искусством [7].

Художественную манеру Чехова Булгаков сравнил с приемами вдумчивого экспериментатора, который делает один за другим различные опыты в целях полного выяснения занимающего его феномена. Но "загадка о человеке в чеховской постановке может получить или религиозное разрешение или... никакого" [2, с. 21]. Этот сделанный Булгаковым вывод явился результатом заключения "свободного художника" Чехова в рамки философско-религиозной тенденции. Но сам писатель не раз говорил о нелюбви к умозрительной философии: "Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как Бог, пессимизм и т.п.". В письме к С.П. Дягилеву он впрямую высказался против сведения искусства к религиозному просветительству. "Теперьшняя культура, – писал он, – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки лет, чтобы хотя в далеком будущем человечество поняло истину настоящего Бога, т.е. не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперьшняя культура – это начало работы, а религиозное движение <...> есть пережиток, уже почти конец того, что отжило и отживает" [8, с. 104].

Ссылки Булгакова на опубликованные к 1910 г. письма Чехова, цитирование отдельных его замечаний философского характера свидетельствовали о том, что критик не мог не знать, что писатель был атеистом и позитивистом, а его высказывания по вопросам эстетики и критический анализ ряда художественных произведений позволили Булгакову сравнить манеру его письма с

научным экспериментом. Позже в науке о Чехове это сравнение стало признанным фактом, который исследователи объясняли его образованием естествовника-врача.

Заключение

Сегодня не все суждения Булгакова о Чехове воспринимаются как бесспорные. Можно упрекнуть критика в том, что в творчестве самого "нетенденциозного писателя" он стремился найти аргумент в пользу своей религиозной философии, доказывающей непреложность и вечность христианского идеала. Но нельзя не признать, что, назвав Чехова философом и гуманистом, Булгаков поднимал уровень осмысления творчества писателя и указывал перспективы его оценки в контексте не только русской, но и мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Луначарский, А.В.* Собрание сочинений: в 8 т. / А.В. Луначарский. – М., 1963 – 1967. – Т. 7: Задачи социал-демократического художественного творчества. – С. 154-166.
2. *Булгаков, С.Н.* Чехов как мыслитель / С.Н. Булгаков. – М., 1910. – 47 с.
3. *Булгаков, С.Н.* Иван Карамазов (в романе Достоевского "Братья Карамазовы") как философский тип / С.Н. Булгаков // От марксизма к идеализму. – СПб., 1903. – С. 83-112.
4. *Полоцкая, Э.А.* О поэтике Чехова / Э.А. Полоцкая. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
5. *Достоевский, Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972 – 1989. – Т. 11: Бесы. Подготовительные материалы. – С. 58-309.
6. *Чехов, А.П.* Письма: в 12 т. Т. 10: Письмо к С.П. Дягилеву 30 декабря 1902 года / А.П. Чехов. – М.: Художественная литература, 1974 – 1983. – С. 97-98.
7. *Смолякова, М.С.* С.Н. Булгаков о сущности и назначении искусства / М.С. Смолякова // Вестник МГУ им. А.А. Кулешова. – 2000. – № 4 (7). – С. 85-91.
8. *Розанов, В.В.* Наш "Антоша Чехонте" / В.В. Розанов // Мысли о литературе. – М.: Современник. – С. 299-304.

Поступила в редакцию 29.04.2009 г.